

М.В. Строганов

Два фельетониста: Салтыков и Слепцов¹

«Письма об Осташкове» написаны по совету Салтыкова, это объясняет высокую оценку очерков Салтыковым, высоко ставившим язык и литературное направление Слепцова. Сходство фельетонов Слепцова и Салтыкова отметил А.Н. Плещеев. Оба писателя с 1867 г. работали в журнале «Отечественные записки». Слепцов писал мало, чувствуя себя на вторых ролях рядом с Салтыковым.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков (Щедрин); В.А. Слепцов; литературное поколение; «Современник»; «Отечественные записки».

Часть 2

Первой печатной работой Слепцова был цикл очерков «Владимирка и Клязьма» (1861), который сделал его известным в литературных кругах. Издатели «Современника» привлекли Слепцова в свой журнал. Второй цикл очерков «Письма об Осташкове» (1862–1863) Слепцов напечатал в «Современнике», где стал постоянным сотрудником. Считается, что Слепцов отправился в Осташков по рекомендации редакции этого журнала. Лучше других реальную ситуацию в Осташкове знал Салтыков, который находился в Петербурге 2–7 ноября 1861 г. по поводу прокламации «Великорусс» («Обручевская история») [7: с. 373–383]. Именно в это время Салтыков и мог рассказать в редакции «Современника» об Осташкове, о котором сам он не имел возможности писать, поскольку служил еще в Твери. Слепцов же был в Осташкове по заданию «Современника» глубокой осенью и зимой этого года [9: с. 279], сразу после приезда в Петербург Салтыкова. Считается, что «Письма об Осташкове» написаны в ответ на панегирические статьи об учреждениях города. Наиболее очевидным источником была публикация тверского чиновника Н.И. Рубцова, которая появилась 4 и 11 ноября 1861 г. в «Тверских губернских ведомостях». Салтыков с 1860 г. был тверским вице-губернатором и по должности подписывал губернские ведомости к печати, поэтому мог знать этот материал и ранее. К тому же он был хорошо знаком с Рубцовым по работе в ряде губернских учреждений [10: с. 110–126].

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389а).

Первую часть статьи см.: Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3(23). С. 18–26.

На фоне описанных фактов становится понятным противопоставление «статистики» и «болтовни» в статье Салтыкова «Несколько полемических предположений. Из письма в редакцию» (1863). В это время Салтыков уже расстался с тверским вице-губернаторством и мог позволить себе откровенность: «Журнальная полемика <...> это все равно что в обыкновенной жизни болтовня. <...> Посредством болтовни можно восстановить физиономию не только известного лица, но даже целого города, целого общества. Прочитайте, например, в “Современнике” “Письма об Осташкове”. По-видимому, там нет ни таблиц, наполненных цифрами, ни особенных поползновений на статистику; по-видимому, там одна болтовня» [5: т. 5, с. 265]. Салтыков противопоставляет «статистическую» манеру Рубцова и «фельетонную» манеру Слепцова, у которого внешне легкая форма «болтовни» воплощает в себе «живую жизнь целого города». Это общий принцип фельетона как жанра, которым Салтыков дорожил в своем собственном публицистическом творчестве. Говоря о Слепцове, он характеризовал свою собственную манеру.

Сходство писателей отмечали и современники. А.Н. Плещеев благодарил Некрасова за приглашение принять участие в «Современнике» в качестве фельетониста в декабре 1865 г. – январе 1866 г.: «Не мастер я писать фельетоны. В газету какую-нибудь еще, пожалуй, настрою. Но ведь в “Современнике” от фельетониста требования другие. Тут нужно, чтобы фельетон был очень хороший, — вроде, например, Щедрина или Слепцовского. А меня бог не одарил способностью писать так, как пишут эти господа» [1: с. 438–439].

Литературная продукция обоих писателей была заметна в журнале. Салтыков поместил в «Современнике» за 1863–1864 гг. публицистическую хронику «Наша общественная жизнь», фельетон «В деревне», «Петербургские театры», критические и художественные произведения. В 1865 г. он практически не печатался, так как возобновил государственную службу. У Слепцова в «Современнике» в 1862–1865 гг. вышли «Письма об Осташкове», критические и публицистические статьи, рассказы, роман «Трудное время». Однако уже в 1863 г. Салтыков начинает печатать произведения, которые составили в будущем цикл «Помпадуры и помпадурши» — совершенно новые по жанру вещи, в которых фельетонное начало перерастало в художественное обобщение. Слепцов же оставался в рамках рассказа из народного быта и фельетона; «Трудное время» написано по канону тургеневского романа и не стало литературным событием.

Салтыков в это время общается со Слепцовым достаточно близко и сообщает Некрасову 29 декабря 1862 г.: «Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для “Свистка”; если материалы не дурны, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина» [5: т. 18–1, с. 267]. Речь идет о № 9 «Свистка» (Современник. 1863. № 4), в котором участвовали М.А. Антонович, В.П. Буренин, В.М. Жемчужников, П.М. Ковалевский,

Некрасов и Салтыков. Исключив автора и адресата письма и упомянутых Буренина и Жемчужникова, следует полагать, что «молодым человеком» назван здесь М.А. Антонович либо П.М. Ковалевский.

В произведениях 1862–1865 гг. Слепцов изображал жизнь «низов» общества без сентиментальности и идеализации. Сочувствуя такому изображению человека из народа, Салтыков в рецензии на представление пьесы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» (ноябрь 1863) не находит в языке героев «ни силы, ни меткости, ни юмору, ни поэзии». И говорит, что всеми этими свойствами «отличается язык простого русского человека в комедиях Островского, в рассказах Тургенева, Слепцова...» [5: т. 5, с. 197]. Слепцов стоит в одном ряду с Тургеневым и Островским, что свидетельствует о самой высокой оценке молодого писателя.

Не менее высокую оценку литературной деятельности Слепцова Салтыков дал в цикле «Наша общественная жизнь» (декабрь 1863): «Все эти скромные деятели, <...> делают единственно возможное и единственно почтенное дело, которое доступно в настоящее время для литературы. Они не лгут и не клеветают на жизнь и не выдают за истину праздных фантазий подкупленного воображения, но скромно собирают материалы для будущего творчества, ничего не прибавляя и ничего не утаивая. В этом смысле какой-нибудь коротенький рассказ, вроде “Питомки” г. Слепцова, гораздо драгоценнее, нежели целое литературное наводнение, выданное г. Писемским под названием “Взбаламученного моря”» [5: т. 6, с. 191–192].

Пиком дружественного отношения Салтыкова к Слепцову стал 1863 г., потом наступило охлаждение, переросшее в конфликт. Но творческое сотрудничество не прекратилось и позднее. Уйдя после закрытия «Современника» от давления старших коллег по перу, Слепцов стал вполне самостоятельным публицистом в «Женском вестнике» и создал художественный образ, который Салтыков вскоре использовал в своем художественном творчестве. Как это ни странно (или закономерно), но данный факт не был отмечен исследователями.

Итак, в 1867 г. Слепцов вел в журнале «Женский вестник» внутреннее обозрение «Новости петербургской жизни. Скромные заметки». В первой, майской части этого цикла говорится:

«Есть люди, обуреваемые страстью к сочинительству... Им все равно: сочинят ли они отметку о пользе ватерклозетов, или о влиянии России на Ташкент и Ташкента на Россию» [11: с. 236].

Постановка в один ряд ватерклозетов — бытового новшества и присоединение Россией Туркестана — политического события создает комический эффект, но Слепцову этого мало. Во второй, июньской части хроники, появляется персонаж Иван Флюгаркин, по которому можно «с достоверностью судить о нашей общественной жизни» [11: с. 239].

Бедняга! С которых пор он не снимает фрака, говорит спичи (и они, ей-богу, печатаются) и страдает расстройством желудка... Несчастный! В последнее

время он вовсе не знает покоя и, глядя на его часто меняющуюся физиономию, я вполне понимаю, как тягостно быть русскому общественному деятелю, как часто обязана меняться физиономия такого общественного деятеля и как — говорю словами “Голоса” — чревато событиями наше время... Встречаясь часто с Иваном Флюгаркиным <...> я делаю такие выводы:

Если его физиономия имеет внушительное выражение, словно говорящее: “Мы... Россия... одним словом... мы... Взгляните: гласный суд... кабы <кэбы>... ватерклозеты...” и если на его вертлявой спине надет фрак, а во фраке лежит сверток почтовой бумаги, который наш друг время от времени прочитывает, то я непреложно заключаю, что к нам приехали наши ташкентские друзья и что:

во-первых, их встретят на железной дороге и закричат: Ала... ала... ала!... <...>; на следующий день публицисты настрочат передовых статей целковых на сорок каждый, в которых будет доказываться:

а) что Ташкент — страна, а не миф,

б) что приобретение Ташкента отразится весьма благоприятно на торговых рынках и даже на расторопности околоточных <...>

Да. Материалу будет довольно, и везде возопят:

— Ташкентцы!.. ташкентцы!.. О-о-о!...» [11: с. 239].

Данный эпизод развернут Слепцовым в манере Салтыкова с доведением правдоподобного предположения до совершенно абсурдной гиперболы. Но далее события хроники разворачиваются еще более гротесково: «к нам скоро приедут славяне» и «их угостят лучше ташкентцев и будут кричать не “ала”, а “слава”» [11: с. 241]. Последовательность сцен в фельетоне предсказывает строение событий в «Дневнике провинциала в Петербурге». А образ Ташкента и ташкентцев, хотя с совершенно иным значением, Салтыков использовал в книге «Господа “ташкентцы”». Понятно, что социальное наполнение «ташкентца» у Салтыкова иное, но Слепцов перенес этот катойконим на русскую действительность весьма последовательно и ярко: «влияние России на Ташкент и Ташкента на Россию», и пр. Салтыкову оставалось только обновить этот образ. Совершенно очевидно, что Салтыков внимательно присматривался к этому образу, не случайно в названии книги он взял слово *ташкентцы* в кавычки, указывая на заимствованный характер его.

Совершенно иной характер имеет другое соотношение текстов Салтыкова и Слепцова. В романе «Трудное время» Рязанов сопровождает мирового посредника в поездке по деревням с целью уговорить крестьян подписать уставные грамоты. В начале поездки посредник и Рязанов едут молча. Потом посредник напевает «Скажите ей, как дорого мне стоит» [6: т. 2, с. 108]. Это модный романс Н.А. Долгорукова «Скажите ей, что пламенной душою» (1857), написанный в ответ на романс Е.П. Ростопчиной «Когда б он знал!» (1830, музыка Е. Кочубей) [4: с. 209; 3: с. 631].

Поездка Рязанова и мирового посредника шла спокойно, пока в одной деревне не произошел следующий инцидент: «На другой день рано утром Рязанов сидел в комнате и пил чай, в сенях посредник разговаривал с мужиками; входил

в комнату, прихлебывал из стакана чаю и опять уходил и все что-то горячился. Мужики возражали сначала, но потом стали стихать больше и больше, наконец совсем стихли; остался один угрюмый, монотонный голос, бесстрастно и ровно звучащий в ответ посреднику. Этот голос не умолкал. Посредник стал горячиться и кричать еще пуще — голос не умолкает... Вдруг...

— Ах, ты!

Бац, бац, бац — раздалось в сенях, и голос умолк. Тихо стало.

Рязанов, не допив стакана, взял фуражку и вышел из комнаты. В сенях стояла толпа мужиков и взбешенный посредник; с полу вставал мужик, дико ворочая глазами...» [6: т. 2, с. 116–117]. Рязанов уехал.

Структура эпизода с посредником восходит к рассказам Салтыкова, которые печатались с подзаголовками «Провинциальный романс в действии» или «Романс»: «Прощаюсь, ангел мой, с тобою!» (1863), «Здравствуй, милая, хорошая моя!», «На заре ты ее не буди», «Она еще едва умеет лепетать» (все 1864). Последний рассказ заканчивался характерной сценой:

«— Ты пойми мою мысль, болван! — отвечал ему Митенька, — я чего желаю? — я желаю, чтоб у меня процветала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы в то же время порядок ни под каким видом нарушен не был!

И вдруг, среди самого, по-видимому, мирного настроения мысли, он вскочил как озаренный и не своим голосом закричал:

— Раззорю!» [5: т. 8, с. 123].

Слепцов изображает мирового посредника не просто с оглядкой на Салтыкова, он буквально цитирует его. Кажется, он хочет показать читателю, что его мировой посредник — тот же помпадур. Салтыков развивает, обновляет образ слепцовского ташкентца. Слепцов же репродуцирует салтыковский образ. Таково различие их подхода к чужому материалу.

Но сходство их очевидно. Поэтому неудивительно, что, когда в 1867 г. Некрасов взял на редактирование журнал «Отечественные записки», он пригласил к участию обоих писателей. Отвечая П.М. Ковалевскому, который предлагал свои услуги в качестве фельетониста, Некрасов писал 23 декабря 1867 г.: «Видите ли, у меня теперь два фельетониста: Салтыков и Слепцов, но насколько они обнаружатся благонадежными, покажет только время» [2: с. 66]. Некрасов пока еще не уверен в исполнительности авторов. Салтыков продуктивен, но живет в Рязани и только с 1868 г. стал активно печататься. Слепцов живет в Петербурге, под рукой, но продуктивность его как автора оставляет желать лучшего.

«Благонадежность» фельетонистов оказалась совершенно адекватной ожиданиям. Салтыков как сел за работу, так безостановочно и работал. Перечислять его произведения, которые он напечатал за то время, когда Слепцов сотрудничал в журнале, просто нет смысла. Слепцов же в «Отечественных записках» напечатал только фельетон «Записки метафизика», статью «Тип

новейшей драмы» и начало романа «Хороший человек», который так и остался незаконченным. Такая малая продуктивность тем более удивительна, что Слепцов до 1872 г. был секретарем редакции «Отечественных записок».

Как секретарь Слепцов старался исполнять свои обязанности исправно, но сам писал медленно, что вызывало раздражение неугомонного и обязательного Салтыкова, что следует из письма Некрасову от 9 июня 1869 г. (см.: [5: т. 18-1, с. 28]). В другом письме от 20 декабря 1867 г. он писал тому же адресату из Рязани: «Вообще, я думаю, что я не сойду с другим Вашим фельетонистом» [5: т. 18-1, с. 325]. Салтыков здесь впервые говорит о различии манер своей и Слепцова, которого он при этом не называет по имени.

Вместе с тем творческое сотрудничество писателей продолжалось. В письме к Некрасову из Рязани Салтыков писал 26 марта 1868 г.: «Посылаю Вам <...> рукопись Решетникова. Думаю, что он писал это не иначе, как в пьяном виде. Впрочем, я ее значительно сократил и полагаю, что печатать будет можно. Для большего спокойствия в этом смысле отдайте прочесть ее Слепцову. Теперь это ему большого труда не составит, потому что рукопись исправлена» [5: т. 18-1, с. 334]. Правда, в последнем предложении все же чувствуется какая-то настороженность: очевидно, Слепцов уже начал искать оправдания для медлительности своей редакторской работы, а Салтыков таких отговорок не прощал.

Как можно судить, Слепцов находился рядом с Салтыковым на вторых ролях. Хотел того Салтыков или нет, но он подавлял своего младшего коллегу. Слепцов, видимо, чувствовал свою «вторичность». В «Женском вестнике» он был царь и бог и с радостью писал туда. В «Отечественных записках» он не только собственно художественные, но и публицистические вещи не писал. В лучшем случае повторял приемы, которые разработал в самостоятельную пору жизни в «Женском вестнике». Вполне закономерно, что его единственный фельетон в «Отечественных записках» называется так же, как его фельетон в «Женском вестнике» — «Из “Записок метафизика”». При этом стоит заметить маску фельетониста: метафизик — это тот же «русский юноша», который выискует высшей истины, во имя которой готов даже на богоборческий бунт.

Уместно отметить, что подзаголовок слепцовой хроники «Новости петербургской жизни» имел самоуничижительный характер — «Скромные заметки» (1867). Этот подзаголовок восходит к названию фельетона Слепцова в «Современнике» — «Скромные упражнения» (1865). Настойчивость, с которой Слепцов демонстрирует «скромный» характер своих притязаний, свидетельствует о том, что за этим стоит неудовлетворенная амбиция. Не исключено, впрочем, что Слепцов и сам чувствовал недостатки своих сочинений. В фельетоне «Скромные упражнения» даже очень внимательный и доброжелательный анализ не позволяет обнаружить никакой логики, никакой объединяющей мысли.

Так складывалась ситуация в начале издания «Отечественных записок». Через восемь лет отношение Салтыкова к Слепцову изменилось радикально,

и 31 января/12 февраля 1876 г. он писал Некрасову из Ниццы: «“Вперемежку” — плохо необыкновенно. Кому это принадлежит? Судя по манере бесплодного ковыряния — Слепцову, а может быть, и Михайловскому. Хотел бы, чтоб правильно было 1-е предположение, и было бы печально, ежели б Михайловский пустился по следам Слепцова» [5: т. 18-2, с. 256]. Статья «Вперемежку» была написана Н.К. Михайловским, но под критический обстрел попал Слепцов.

Понять, что Салтыков назвал «бесплодным ковырянием», можно благодаря суждению современника. Некто Ф.И. Китаев в письме к известной общественной деятельнице Е.С. Некрасовой писал 21 ноября 1875 г.: «Мне нравится Слепцов, Глеб Успенский, но они гораздо мельче плавают, чем Щедрин. Любовь к народу выражается у них так же неразумно, как любовь старой няньки к ребенку. Щедрин же не плачет, не просит, а своими едкими насмешками указывает на недостатки общества...» [8: с. 15–16]. Другие литературно-критические высказывания автора этого письма не известны, но он с большой проницательностью сформулировал отличие литературной позиции Салтыкова от писателей, сформировавшихся в «шестидесятые» годы.

От радостного приветствия до пренебрежения развивалось отношение Салтыкова к Слепцову. Отношение Слепцова к Салтыкову оставалось стабильным: он признавал Салтыкова не авторитетным, но успешным конкурентом.

Библиографический список

Источники

1. Лит. наследство. Н.А. Некрасов. [Кн.] II. Т. 51–52. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 675 с.
2. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 15 (2). СПб.: Наука, 2000. 640 с.
3. Песни русских поэтов: в 2 т. / вступ. статья, сост., подгот. текста, биограф. справки и примечания В.Е. Гусева. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1988. 664 с.
4. Русский романс / сост., вступит. статья и коммент. В. Рабиновича. М.: Правда, 1987. 640 с.
5. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977.
6. *Слепцов В.А.* Соч.: в 2 т. / подгот. текста и коммент. К. Чуковского. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957. 420 с.

Литература

7. *Макашин С.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов: Биография. М.: Худ. лит., 1972. 600 с.
8. *Макашин С.* Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография. М.: Худ. лит., 1989. 527 с.
9. *Семанова М.Л.* После 19 февраля 1861 г. // Лит. наследство. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 277–285.
10. *Строганов М.В.* Два тверских чиновника М.Е. Салтыков и Н.И. Рубцов. Опыт реконструкции // Культура и текст: сетевой научный журнал. 2016. № 1 (24). С. 110–126

[Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2016/04/stroganov_1_2016.pdf (дата обращения: 10.09.2016).

11. Хроника общественной жизни в «Женском вестнике» (1867) / публ. М.Л. Семановой // Лит. наследство. Т. 71. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 205–276.

References

Istochniki

1. Lit. nasledstvo. N.A. Nekrasov. [Kn.] II. T. 51–52. M.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 675 s.
2. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. T. 15 (2). SPb.: Nauka, 2000. 640 s.
3. Pesni russkix poe'tov: v 2 t. / vstupit. stat'ya, sost., podgot. teksta, biograf. spravki i primechaniya V.E. Guseva. T. 1. L.: Sov. pisatel', 1988. 664 s.
4. Russkij romans / sost., vstupit. stat'ya i comment. V. Rabinovicha. M.: Pravda, 1987. 640 s.
5. Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. M.: Xud. lit., 1965–1977.
6. Slepczov V.A. Soch.: v 2 t. / podgot. teksta i comment. K. Chukovskogo. T. 2. M.: GIXL, 1957. 420 s.

Literatura

7. Makashin S. Salty'kov-Shhedrin na rubezhe 1850–1860-x godov: Biografiya. M.: Xud. lit., 1972. 600 s.
8. Makashin S. Salty'kov-Shhedrin. Poslednie gody'. 1875–1889: Biografiya. M.: Xud. lit., 1989. 527 s.
9. Semanova M.L. Posle 19 fevralya 1861 g. // Lit. nasledstvo. T. 71. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 277–285.
10. Stroganov M.V. Dva tverskix chinovnika M.E. Salty'kov i N.I. Rubczov. Opy't rekonstrukcii // Kul'tura i tekst: setevoy nauchny'j zhurnal. 2016. № 1 (24). S. 110–126 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2016/04/stroganov_1_2016.pdf (дата обращения: 10.09.2016).
11. Xronika obshestvennoj zhizni v «Zhenskome vestnike» (1867) / publ. M.L. Semanovoj // Lit. nasledstvo. T. 71. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 205–276.

M.V. Stroganov

Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov

«Pisma ob Ostashkove» («Letters about Ostashkov») were written on the advice of Saltykov. This fact explains Saltykov's high opinion of these sketches as he appreciated the language and the literary school of Sleptsov. Aleksey Pleshcheyev pointed up the resemblance between Sleptsov's and Saltykov's feuilletons. Both authors worked in «Otechestvennye Zapiski» («Annals of the Fatherland») since 1867. Sleptsov was not productive, feeling taking a back seat to Saltykov.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin; Vasily Sleptsov; literary generation; «Sovremenik» («The Contemporary»); «Otechestvennye Zapiski» («Annals of the Fatherland»).